
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК 321.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.1

Бредихин Алексей Леонидович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
axel_b@mail.ru

ДЕМОКРАТИЯ-ОХЛОКРАТИЯ-ТЕХНОКРАТИЯ: В ПОИСКАХ БАЛАНСА

Аннотация. В настоящей статье автор обращает внимание на неоднозначность такого политико-правового феномена как «демократия» и многообразии его форм. В первую очередь, исследуются истоки формирования демократической модели, а именно древнегреческий вариант, когда демократия не была всеобщей. В Древних Афинах к осуществлению политической власти были допущены только полноправные граждане, и только мужчины. Но даже при этом, отмечается вырождение демократии в охлократию, власть толпы. Автор исследует термин «охлократия» и отмечает, что современные демократические процессы явно тяготеют к такому виду демократии, что во многом обесценивает демократические завоевания предшествующих поколений. То есть, управляемая и не всегда осознанная в большинстве своем толпа не может быть источником власти, как того требуют положения конституционных актов. В то же время, параллельно с охлократией формируется так называемая «технократия», которая опирается на профессионалов и науку в осуществлении управленческой деятельности. Тем не менее, идеальный на первый взгляд вариант технократического правления, на практике может привести к диктатуре и отстранению населения от принятия государственных решений и ущемлению прав человека. В заключение, автор отмечает, что главной задачей для государства является поиск баланса, иначе любые варианты проявления демократии приводят к одинаково плохому результату.

Ключевые слова: демократия, охлократия, технократия, власть народа, диктатура, государственный (политический) режим

Для цитирования: Бредихин А.Л. Демократия-охлократия-технократия: в поисках баланса / А.Л. Бредихин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.1 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 13–22.

Original article

Bredikhin Alexey Leonidovich

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, axel_b@mail.ru

DEMOCRACY-OCHLOCRACY-TECHNOCRACY: IN SEARCH OF BALANCE

Abstract. In this article, the author pays his attention to the ambiguity of such a political and legal phenomenon as "democracy" and the diversity of its forms. First of all, the sources of the democratic model formation are examined, particularly the ancient Greek version, when democracy was not universal. In Ancient Athens, only full citizens, and only men, were allowed to exercise the political power. But even so, the degeneration of democracy into ochlocracy, the power of the crowd, is noted. The author examines the term "ochlocracy" and notes that modern democratic processes clearly gravitate towards this type of democracy, which devalues in many ways the democratic gains of previous generations. It means that a controlled and not always conscious crowd cannot be a source of power, as required by the provisions of constitutional acts. At the same time, in parallel with ochlocracy, the so-called "technocracy" is formed and it relies on professionals and science in the implementation of management activities. However, the ideal at first glance variant of technocratic governance, in practice can lead to dictatorship and the exclusion of the population from making government decisions and the infringement of human rights. In conclusion, the author notes that the main task for the state is to find a balance, otherwise any options for the democracy manifestation lead to an equally bad result.

Keywords: democracy, ochlocracy, technocracy, people's power, dictatorship, state (political) regime.

For citation: Bredikhin A.L. Democracy-Ochlocracy-Technocracy: in Search of Balance. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 13–22 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.1.

Введение. В современной политической реальности нет более распространенного термина, чем «демократия». Демократия (в идеальном значении) выступает как образец, с которым соизмеряют политическую власть и управленческие механизмы; демократия, понимаемая как «власть народа», предусматривает механизмы влияния населения на принимаемые властные решения и прежде всего посредством выборов; демократия, воспринимаемая как некий «фетиш», становится движущей силой социальных потрясений и даже отодвигает права человека на второй план. Демократия может пониматься во множестве смыслов и в каждом из них служит оправданием тех или иных действий, несущих значимые последствия для общества (и не всегда положительные).

Демократия или охлократия? Проблема взаимоотношений общества и власти всегда занимала умы мыслителей, политическая практика издревле складывалась таким образом, что власть концентрировалась либо у одного правителя (монархия), либо распределялась между несколькими центрами власти (аристократия), либо была передана народу (республика, демократия). Безусловно, для современного человека наиболее приемлемым вариантом является ситуация, при которой власть учитывает именно его личные интересы, что может реализоваться только в демократической республике. Но правильно ли мы понимаем демократию?

Демократия в переводе с греческого означает «власть народа», то есть народ признается субъектом, который принимает властные решения и назначает высших должностных лиц, уполномоченных принимать решения от имени и в интересах населения.

Подобная идея реализована в конституционной практике большинства государств, даже в современных европейских монархиях. В Конституции РФ 1993 г. многонациональный народ России также назван «носителем суверенитета и единственным источником власти».

Юридически процесс осуществления власти народа реализован через институт гражданства (то есть гражданство определяет субъектность человека, его принадлежность к народу) и избирательные процедуры (выборы и референдум). В этой связи, современное понимание демократии не только соответствует дословному переводу этого термина («власть народа»), но и опирается на юридическую формализацию такой демократии.

Вместе с тем, для понимания сути демократии нужно исследовать первоначальные условия формирования демократии. Демократия – слово древнегреческое и впервые такая форма политического режима реализована именно в эпоху Древней Греции. Древнегреческая демократическая республика сложилась в Афинах в V веке до н.э. и здесь равными правами были наделены афинские граждане, они же принимали участие в политической

жизни. Основными органами Афинского государства были: Народное собрание, Совет пятисот, гелиэя [1, с. 113–117].

Вместе с тем, далеко не все проживающие на территории греческих земель были гражданами. Афины являлись рабовладельческой республикой и рабы (а также метеки) не наделялись правами граждан. Как отмечает В.Г. Графский, рабы «в 4 раза превосходили своей численностью свободных граждан» [2, с. 152]. Таким образом, власть народа в древнегреческом варианте предполагала только участие полноправных граждан в управлении государством. Помимо этого, женщины также не могли участвовать в политических процессах, поэтому демократическое управление осуществлялось только полноправными мужчинами. В такой интерпретации, афинская демократия не выглядит образцом для подражания, т.к. не была всеобщей. Вместе с тем, укрепилась основная демократическая идея, заключающаяся в наделении полноправных граждан возможностью участвовать в формировании органов власти и принятии общезначимых государственных решений.

С течением времени категория полноправных граждан расширялась, в XX в. политические права в большинстве стран получили почти все граждане. Кроме того, гражданами становились все люди по праву рождения, поэтому избирательными правами (правом избирать и быть избранными) наделялось практически все совершеннолетнее дееспособное население (с учетом особенностей каждой страны).

Таким образом, если в древнегреческом варианте демократии к государственному управлению привлекался определенный узкий слой населения, то для современного общества характерно формальное равенство всех людей вне зависимости от их социальных, имущественных статусов и ролей. Очевидно, что разнообразие интересов общественных групп в современном обществе гораздо больше и согласование общих решений крайне проблематично.

Наиболее очевидной целью демократических процедур является выявление воли большинства населения посредством арифметических подсчетов голосов. То есть, побеждает то решение или кандидатура, которое поддержано простым большинством голосов. Таким образом, если представить, что демократические выборы в соответствии с современным законодательством были бы проведены в древнегреческом обществе, победила бы политическая сила, поддерживающая интересы рабов (ввиду их преобладающей численности). Очевидно, что такой вариант был невозможен, так как общественное устройство определялось исключительно гражданами Афин, в том числе и порядок формирования органов управления.

В то же время даже при такой модели демократии эффективность управления нельзя абсолютизировать. Уже в V в. до н.э. Аристотель отмечал

возможность деформации демократии, когда к власти приходит «чернь», то есть описывает то, что мы называем «охлократией». Также охлократия описывается в трудах древнегреческих мыслителей Демосфена и Полибия [3, с. 107–109], но научной разработкой данного феномена серьезно начали заниматься лишь в новое время.

Родоначальником теории толпы в конце XIX в. стал Г. Лебон, который рассматривал толпу как феномен, возникающий при непосредственном взаимодействии индивидов независимо от их социального положения, национальности, профессии и даже повода, вызвавшего ее образование [4, с. 132].

Определений данному термину множество [5]. Так, Ж.Т. Тощенко предлагает понимать под охлократией следующие проявления: «извращенная форма государственного устройства, которая возникает в результате неупорядоченного развития и доведения до абсурда демократических тенденций; стихия мятежей, погромов, уличных беспорядков, в которых толпа выступает хозяином положения; одна из характеристик массового общества» [6, с. 23].

Не вдаваясь в споры относительно понятия этого феномена, важно отметить, что проявлением охлократии является отстранение большинства населения от решения государственно-значимых вопросов, отсутствие его вовлеченности и интереса к значимым политическим процессам, потребительское отношение к государству. Государство по отношению к личности воспринимается как обязанный субъект, а личность – как имеющая абсолютные права. В итоге, завоеванное кровью в период народных революций право народа быть «единственным источником власти и носителем государственного суверенитета» обесценено, личность не воспринимает себя таковым с точки зрения ответственности за судьбу своей страны.

Современное государство, казалось бы, воплотило мечту многих поколений наделить всех людей равными правами, но возведенная в абсолют идея демократии выродилась, стала похожа на охлократию, власть толпы [7]. Толпа внушаема и управляема. Как замечает А.И. Панов: «Демократия заигрывает с охлосом, давая ему возможность поиграть в «детские» игры: повыбирать себе лидера, пообсуждать какие-то открытые политические вопросы. Самое главное для демократии – это подготовить толпу к выборам подготовленного лидера» [8, с. 85–86]. Высказывание названного ученого излишне резкое, но имеет определенную долю справедливости. Под демократией он имеет в виду видимо политические структуры, элиты, которые обладают реальной властью, то есть условно говоря «государство».

Вместе с тем, обвинение условного «государства» в ущемлении демократии на первый взгляд справедливы и обоснованы. Нередко такие случаи «антидемократической» деятельности противоречат закону или его принципам. Множество критики мы видим и в отношении проведения выборов

в России, где избирательные технологии могут исказить действительное волеизъявление граждан и иногда приводят к отмене результатов голосования¹. Вместе с тем, в условиях господства избирательных технологий и так называемой «социальной инженерии» ценность демократического выбора искажается и обесценивается. С одной стороны, ситуативные, эмоциональные и невзвешенные решения и технические подтасовки не позволяют выявить реальную политическую волю населения, а с другой – даже учет действительного мнения населения не всегда соответствует интересам государства. Сложные вопросы организации государственной жизни не всегда могут осознаваться населением, а очевидные и простые решения – часто приводят к фатальным последствиям для будущего общества и государства.

Таким образом, мы можем констатировать кризис идеи демократии и утраты легитимности демократических процедур. Это объективная ситуация, возникшая эволюционно и закономерно, поэтому борьба с нею малоэффективна. Современная демократия более походит на охлократию, которую издревле же называли формой вырождения демократии.

От «охлократии» к технократии. Демократия, преподносившаяся как лучший способ управления, и во многом подтверждавшая этот довод, в своем «вырожденном» состоянии перестала эффективно выполнять свои функции. Современное общество стало более рациональным, на помощь человеку во многих областях пришла техника и информационные технологии, которые позволяют решать управленческие вопросы и принимать управленческие решения гораздо эффективнее человека. Человек становится как бы «приложением» системы, своеобразным «оператором», от которого требуется специальная профессиональная подготовка, а не просто доверие народа.

Формируется то, что получило название «технократией». Технократия явление не новое и его научная разработка ведется достаточно давно разными науками [9]. Понятие технократии многогранно и неоднозначно, мы же будем понимать под ней политический режим, опирающийся на профессиональных управленцев (ученых, специалистов), основанный на использовании в управленческой деятельности последних достижений науки и техники.

С одной стороны, в этом определении нет ничего нового, т.к. социальное управление всегда опиралась на рационализм, профессионализм, целеполагание. Уже в феодальном обществе от государственных чиновников требовалась специальная подготовка, постепенно усложнялась управленческая структура. Даже так называемые «петровские реформы» начала XIX века можно назвать технократическими, ведь в это время формируется сбалансированная структура органов государственного управления, дворянство

¹ См., например: В Приморье отменены результаты выборов губернатора [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-09-20/352608-v_primorie_otmeneny_rezultaty_vyborov_gubernatora (дата обращения: 23.01.2025 г.).

становится служилым сословием, а государственная служба – профессиональной отраслью. Технократическая система управления, созданная в петровские времена, обеспечила устойчивость Российской империи на десятилетия.

Советский период, в целом, также стал эпохой технократии [10], несмотря на провозглашение особой формы демократии, опирающейся на рабочий класс. Партийная номенклатура фактически заместила политические демократические процессы, сделав политику делом избранных. Впрочем, кризис технократии в начале 1980-х годов призвано было «лечить» демократизацией «перестройки», что в конечном итоге и привело к развалу системы.

В начале 1990-х годов российское общество и политическая элита избрало для себя образец традиционной и во многом наивной формы демократии, что в итоге вело к нарушению связей внутри политических и общественных институтов, создавало риск развала страны. Отсюда реформы периода правления В.В. Путина в направлении «укрепления вертикали власти» ущемили действующие демократические институты и были технократическими по своей сути. В том же ключе произошла реформа регионального управления, где демократические выборы глав регионов приобрели вид технократической процедуры, где «случайному» кандидату стало сложно одержать победу [11]. Следует констатировать, что технократические тенденции доминируют в государственном управлении России и на текущий момент. Технократия позволила в свое время сгладить последствия установившейся охлократии по итогам 1990-х годов, но очевидно, что и она имеет свои недостатки.

Результаты технократии. Как показал опыт многих стран, в кризисные периоды именно технократические методы управления позволяют не только восстановить экономику и стабилизировать политическую ситуацию в стране, но и во многом преуспеть. Взять пример России, которая по итогу реформ стала мощной империей уже в 20-х годах XVIII века. Так нельзя ли сказать, что технократия – идеальный стиль и форма управления?

Если мы вернемся с традиционным подходом к классификации политических режимов, то выделяют демократический и антидемократический, в состав последнего при этом включают тоталитаризм и авторитаризм. Если мы приведем примеры тоталитарных или авторитарных режимов, то это будут именно технократические режимы (нацистская Германия [12], Фашистская Италия, Советский Союз в определенные периоды и т. п.). Очевидно, что ни один из них не может удовлетворить простого человека, так как следствием развития технократии становится отстранение человека от государственного управления, лишение его политических и иных прав, и даже обесценивание жизни человека как таковой.

Таким образом, на любом историческом этапе перед обществом и государством стоит задача выработки сбалансированной системы управления. Абсолютизируя те или иные подходы, неминуемо достигается прямо

противоположный результат. Стремление передачи власти народу превращается во власть толпы, а профессионализация государственного управления может оборвать связь с народом, превратить власть в диктатуру.

Список источников

1. История государства и права зарубежных стран : учебник для студентов юрид. вузов и фак. Ч. 1 / О.А. Жидков, Н.А. Крашенинникова, В.А. Савельев и др.; под общ. ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. – Москва : ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – 461 с.

2. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов / В.Г. Графский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2007. – 752 с.

3. Тощенко Ж.Т. Охлократия: возрождающийся феномен? / Ж.Т. Тощенко // Вестник РГНФ. – 2009. – № 4. – С. 107–114.

4. Вельмакин М. В. Толпа как инструмент охлократических устремлений / М.В. Вельмакин // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2010. – № 3. – С. 131–143.

5. Тартыгашева Г.В. Классификация определений охлократии в общественных науках / Г.В. Тартыгашева, А.В. Комбаев // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 96–102.

6. Тощенко Ж.Т. Охлократия: сущность и современные особенности / Ж.Т. Тощенко // Философские науки. – 2011. – № 5. – С. 22–35.

7. Байбакова Л.В. Демократия или охлократия в США: издержки избирательной системы в условиях индустриального общества / Л.В. Байбакова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 2. – С. 36–46.

8. Панов А.И. Взаимоотношения властей в современной России. (Политологический анализ) / А.И. Панов. – 2-е изд., исп. и перераб. – Москва : Изд-во «Эйдос», 2013. – 454 с.

9. Азимли А.Ш.О. Технократия как мировоззрение / А.Ш.О. Азимли // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 39–45.

10. Костерев А.Г. Феномен советского технократизма: к постановке проблемы (политико-идеологическое и социально-культурное измерения) / А.Г. Костерев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 58. – С. 41–47.

11. Слатинов В.Б. Губернаторы – «технократы» во главе российских регионов: промежуточные эффекты новой кадровой стратегии федерального центра / В.Б. Слатинов // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15. Ч. 2. Отв. ред. В.И. Герасимов. – Москва : РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества, 2020. – С. 484–488.

12. Седелников М.В. Технократия как модель политического режима (на примере нацистской Германии) / М.В. Седелников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 1. – С. 155–159.

References

1. Zhidkova O.A., Krashennnikov N.A. (eds.). History of the State and Law of Foreign Countries : a Textbook for Students of Law. Moscow, INFRA–M–NORMA, 1997. 461 p. (In Russian).
2. Grafsky V.G. The History of Law and State : a Textbook for Universities. 2nd ed., Moscow, Norma, 2007. 752 p. (In Russian).
3. Toshchenko J.T. Is Ochlocracy a Reviving Phenomenon? *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda = Bulletin Russian Foundation for the Humanities*, 2009, no. 4, pp.107–114. (In Russian).
4. Velmakin M. V. V. Crowd as a Tool of Ochlocratic Aspirations. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie = RSUH /RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies*, 2010, no. 3, pp.131–143. (In Russian).
5. Tartygasheva G.V., Kombaev A.V. Classification of “Ochlocracy” Definitions in the Social Sciences. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Buryat State University Bulletin*, 2015, no. 6, pp. 96–102. (In Russian).
6. Toshchenko Zh. T. Essence and Modern Characteristics of Ochlocracy. *Filosofskiye nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2011, no.5, pp. 22–35. (In Russian).
7. Baybakova L.V. Democracy or Ochlocracy in the USA: the Costs of the Electoral System in the Conditions of Industrial Society. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*, 2009, no. 2, pp. 36–46. (In Russian).
8. Panov A. I. The Authorities’ Relationship in Modern Russia. (Political Analysis). 2nd ed., Moscow, Eydos Publ., 2011. 454p. (In Russian).
9. Azimli A.SH.O. Technocracy as the Ideology. *Gumanitarnyy vector = Humanitarian Vector*, 2021, vol. 16, no.2, pp. 39–45. (In Russian).
10. Kosterev A.G. The Phenomenon of Soviet Technocratism: to the Formulation of the Problem (Political–ideological and Socio–Cultural Dimensions). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2019, no. 58, pp. 41–47. (In Russian).
11. Slatinov V.B. Governors – ‘Technocrats’ at the Head of Russian Regions: Intermediate Effects of the New Personnel Strategy of the Federal Centre. *Russia: Trends and Prospects of Development*. Annual Publ. 15, part 2, Moscow, Russian Academy of Sciences. INION, 2020, pp. 484–488. (In Russian).

12. Sedelnikov M.V. Technocracy as a Model of Political Regime (by the Example of Nazi Germany). *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2016, no.1, pp. 155–159. (In Russian).

Информация об авторе

Бредихин Алексей Леонидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

Information about the Author

Bredikhin Alexey Leonidovich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of History of State and Law

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 26.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.